
IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

РУССКАЯ ГОФМАНИАНА

I.
Е. Р. ОБАТНИНА

РЕМИЗОВ И ГОФМАНЫ¹

Биография Модеста Людвиговича Гофмана (1887–1959) связана со значительными явлениями отечественной литературы первой половины XX века. Его имя прочно вписано в историю русского символизма, пушкиноведения, непосредственно в историю Пушкинского Дома и в континуум русского зарубежья. Обстоятельства командировки Гофмана в столицу Франции в 1922 году, завершившейся эмиграцией, раскрыты в эталонной по историко-литературному вкладу публикации Т. И. Краснобородько «Письма М. Д. Гофмана к Б. А. Модзалевскому», в которой, в частности, при содействии Владимира Ростиславовича Гофмана были введены в научный оборот фрагменты парижского дневника его деда.²

В контексте русской литературной жизни за рубежом М. А. Гофман получил признание не только благодаря своей причастности к петербургской академической школе пушкинистов, но также как

---

¹ Автор статьи сердечно благодарит Владимира Ростиславовича Гофмана за помощь в подготовке настоящей публикации и предоставление ценных материалов семейного архива.

² Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела на 2000 год. СПб., 2004. С. 180–238; Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 797–943.

литературный критик современной прозы и поэзии. Профессионального филолога с широким кругом знаний, автора литературоведческих очерков, посвященных специфическим особенностям русского символизма, с радушием принимали на страницах эмигрантской периодической печати.

В качестве «пролога» к нашему рассказу послужит случай, связанный с сотрудничеством Гофмана в журнале «Благонамеренный», который под редакцией Д. А. Шаховского был начат изданием в 1926 году. Содержание двух вышедших номеров показывает, что образованный здесь раздел под названием «Архив» формировался персонально для двух авторов-публикаторов — А. М. Ремизова и М. А. Гофмана.³ Известный писатель, приобщившись к русской зарубежной диаспоре, начиная с книги «Россия в письменах» — одной из первых, изданных в Берлине (1922), манифестировал идею сохранения живого народного языка. Так появился специфический жанр, основанный на композиционном приеме «текста в тексте» и представляющий читателю образцы письменной бытовой культуры XVI—XIX веков — от надписей на печных изразцах до семейной переписки и торговых соглашений. В свою очередь, филолог-архивист Гофман, до недавнего времени сотрудник Пушкинского Дома, обладал всеми профессиональными качествами специалиста по рукописному наследию пушкинской эпохи и подготовил для двух первых номеров «Благонамеренного» неизвестные материалы знаменитого парижского «музея» А. Ф. Онегина.⁴ Не менее продуктивно оба приглашенных автора проявили себя и как рецензенты современных эмигрантских изданий в разделе «Библиография», систематически печатаясь под узнаваемыми криптонимами «А. Р.» и «М. Г.».⁵

Если Ремизов, которому в журнале была отведена роль консультанта, был инициатором рецензирования отдельных книг, то Гофман, случалось, писал по заказу редакции. Сохранившаяся переписка подтверждает единодушие Шаховского и Гофмана в совместной работе, за исключением одного незначительного, на

³ См.: *Мартынов Г. Г.* Материалы к росписи содержания сериальных изданий русского зарубежья (после 1917 г.) // Петербургская библиотечная школа. 2003. № 3. С. 24—34.

⁴ Подробнее о работе Гофмана с материалами коллекции Онегина, а также историю передачи парижского «музея» в Пушкинский Дом см.: *Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922—1926).* С. 797—822.

⁵ См. также авторизацию публикаций Гофмана: *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе / Под ред. О. Коростелева. М., 2018. С. 268, 553—554.

*М. Л. Гофман. Фото 1935 г. Париж.
Архив В. Р. Гофмана. Публикуется впервые.*

первый взгляд, эпизода, который зафиксировал неожиданный сбой в налаженной работе.⁶ Так, для первого номера «Благонамеренного» ему выпало написать о творчестве недавно появившегося в Париже

---

⁶ См. письма Гофмана (1925–1926 гг.) в кн.: *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности: Установление единства. Париж, [1977]. С. 288.

поэта Дмитрия Кобякова, в конце 1925 года выпустившего под маркой своего издательства «Птицелов» книгу стихов под названием «Керамика: Тринадцать вещей 1924 года».⁷

Выбор редактора не вдохновил критика. Гофман подошел к поэтическому самовыражению новоявленного монпарнасса с меркой беспощадного литературного ригориста. Лакуна в переписке двух корреспондентов указывает на то, что Шаховской отреагировал на присланный вердикт попыткой смягчить общий тон критических суждений. В сохранившемся ответном письме Гофмана фактически прозвучал отказ от публикации уже написанной рецензии, который в латентной форме сопровождался заявлением о том, что его участие в разделе «Библиография» можно было считать досрочно завершенным: «Если Вы питаете слабость к Дм. Кобякову, — писал Гофман Шаховскому, — выбросьте мою рецензию о нем в свою корзину. Столько написал Вам, что теперь могу просить мою душу на покаяние — по крайней мере на год».⁸

Деликатность Шаховского по отношению к Кобякову, не вызвавшая сочувствия Гофмана (по всей вероятности, уже знакомого с экспансией этого поэта на собраниях парижского Клуба писателей⁹), — несомненно, была связана с авторитетом Ремизова, как мы уже упомянули, принимавшего деятельное участие в формировании литературно-эстетической платформы его издательского начинания.¹⁰ Имя Кобякова то и дело возникало в их переписке, из которой следовало, что поэт, имевший амбициозные

---

⁷ Подробнее о Д. Ю. Кобякове см.: *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972. М., 2019. С. 713–716.

⁸ *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности. С. 300.

⁹ Д. Кобяков стал активистом Союза молодых поэтов и писателей, участвуя практически во всех творческих вечерах, организованных в зале Клуба писателей на rue Denfert-Rochereau, 79. Первое заседание, на котором присутствовал поэт, прошло 21 февраля 1925 г. В этот вечер М. А. Гофман прочел доклад «Три сосны русской поэзии» ([Б. п.] Клуб молодых литераторов // Последние новости (Париж). 1925. № 1480. 20 февр. С. 4). На организационном собрании Союза, состоявшемся 21 мая, Кобяков был утвержден в составе правления Клуба молодых литераторов. О двойственном отношении к Кобякову в кругах молодого поколения литераторов осталось немало свидетельств, в частности, дневники его сверстников: *Кнорринг И.* Повесть из собственной жизни: Дневник: В 2 т. / Подгот. текста Н. Н. Кнорринга, Н. М. Черновой; Вступ. ст., коммент. И. М. Невзоровой. М., 2009. Т. 1; *Софиев Ю.* Вечный юнцов: Дневник. Алматы: Седьмая верста, 2012.

¹⁰ Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 14–27.

планы на издательскую деятельность в Париже, был рекомендован в качестве потенциального союзника «Благонамеренного».¹¹ Ремизов настолько покровительствовал своему новому знакомому, что даже создал литературную легенду, согласно которой его молодой подопечный возводился в статус современного «носителя» исторической памяти.¹² Пассаж о Кобякове — потомке «поганого хана Кобяка» — исторической личности времен Золотой Орды, увековеченной на страницах «Слова о полку Игореве», открывал очерк Ремизова «Купчая», специально приготовленный для первого номера «Благонамеренного». Упомянув о преследователе князя Святослава, Ремизов писал:

...последний в роде, последний поганый хан Кобяк, поэт Дмитрий Кобяков не серым волком по степи рыщет, а в Париже на железной дороге на товарной станции сцепщик вагонов, и так черный-половчанин! — а от мазута, копоти и пыли что уж чернее не бывает, и дети зовут его гаалчком, ныряет под вагонами со своими стихами.¹³

Шаховскому, движимому идеей объединения традиции и новаторства, литературной классики и новых явлений, импонировал художественный прием писателя, однако отзыв Гофмана о книге стихов Кобякова явно вступал в противоречие с созданным в «Купчей» образом талантливого поэта с древней родословной. Дилемма дипломатического свойства не могла не встать перед редактором: отказаться от рукописи Ремизова невозможно, но и пренебречь мнением рецензента, рискуя потерять дружеское расположение известного филолога, также недопустимо.

Как подтверждается содержанием первого номера «Благонамеренного», в безвыходной, казалось бы, ситуации было принято паллиативное решение, продиктованное, скорее, уважением к замыслу Ремизова о связи современности и давних исторических времен, чем милосердием к его protégé. Рецензия Гофмана появилась в разделе «Библиография» в виде литературной реплики, подпи-

¹¹ См. об этом: *Обатнина Е. Р.* К истории русской зарубежной печати: Идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // *Литературный факт.* 2021. № 3 (21). С. 280–282.

¹² С легкой руки Ремизова поэт приобрел и литературное имя, которым подписывал свои авторские сборники: Дмитрий Кобяков. См. подробнее: *Обатнина Е. Р.* Дмитрий Кобяков и Алексей Ремизов: Свойства памяти // *Сборник трудов по материалам конференции «Emigrantica продолжается»: Памяти О. А. Коростелева»* (в печати).

¹³ *Ремизов А.* Россия в письменах: Купчая. 1742–1746 // *Благонамеренный* (Брюссель). 1926. № 1. С. 135–136.

санной криптонимом «Р. Г.».¹⁴ Заметка начиналась с многоточия и содержала в себе прозрачный для парижских поэтов намек на одну из недавно выпущенных в свет поэтических «тетрадей» (подсказкой здесь служило упоминание о «тринадцати» стихотворениях). Никому не известный критик, пользуясь пространством цитированием стихотворных перлов из сборника «Керамика», категорически и хладнокровно вынес карающий приговор новому поэтическому дарованию:

...хочу сказать несколько, очень немного, слов, не называя ни ее (имеется в виду название поэтической «тетради», — Е. О.), ни имени автора, дабы не заставлять краснеть лишний раз в случае, если он когда-нибудь станет грамотнее (впрочем, на это, кажется, мало надежды). Стихи тяжелые, скучные, нудные, аритмичные, агармоничные, амелодичные <...> в таких плохих стихах бросается в глаза грозное явление современности, которое мы подмечаем в стихах и более даровитых поэтов: стихотворное фокусничество при отсутствии элементарной грамотности и варварская расправа с синтаксисом русского языка.¹⁵

Реконструируемая нами история появления в печати рецензии Гофмана под однократно использованной подписью «Р. Г.» не сохранила документальных источников, раскрывающих мотивацию выбора псевдонима. Остается также тайной, кто из двух участников эпистолярного диалога был инициатором этой литературной «маски». Однако опубликованный обмен письмами литературоведа и редактора позволяет нам назвать подлинное имя, послужившее сокрытию имени настоящего. Ростислав Гофман (1915—1975), десятилетний сын Модеста Людвиговича, в переписке последнего с Шаховским за 1925 год упоминался как лицо, кровно заинтересованное в сотрудничестве отца с редакцией журнала, располагавшейся в Брюсселе. Так, Гофман-старший, сообщая о начале рецензирования по списку, полученному от редактора, полушутя передал просьбу ребенка: «...он решил, что у Вас, в связи

¹⁴ В росписи Г. Г. Мартынова (см. примеч. 3) на с. 30 криптоним «Р. Г.», зафиксированный в первом номере журнала «Благонамеренный», ошибочно атрибутирован как принадлежащий Р. Б. Гулю, который хотя и подписывался аналогичными литерами в берлинских периодических изданиях «Руль», «Накануне», «Новая русская книга», но в 1925—1926 годах не имел контактов с Д. А. Шаховским. В авторитетном библиографическом справочнике М. Шрубы псевдоним «Р. Г.» закономерно внесен в список нераскрытых псевдонимов, зафиксированных в журнале Шаховского (см.: *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе. С. 514). См. также примеч. 5.

¹⁵ Благонамеренный. 1926. № 1. С. 166.

с изданием «Благонамеренного», должна быть обширная корреспонденция, а потому просит у Вас для своей коллекции марок».¹⁶

По нашим предположениям, имя, выбранное для подписи к недоброжелательной рецензии, в своем подтексте должно было послужить настоящему автору своего рода «охранной грамотой» в отношениях с Ремизовым, креатурой которого являлся Кобяков. С одной стороны, оппоненты Ремизова воспользовались «моделью» его собственного литературного поведения, а именно подменой подлинных имен именами хоть и реальными, но актуальными в ином временном или семантическом поле.¹⁷ С другой стороны, расчет был не только остроумным, но и точным: Ростислав Гофман, именуемый отцом и в кругу друзей Ростиком,¹⁸ в доме Ремизовых снискал безграничную любовь и внимание.

Для писателя отношения с Гофманом имели свою историю, обращенную к воспоминаниям о «старине допотопной»¹⁹ — расцвете символизма и «симпозионах» Вяч. Иванова на Таврической. Их знакомство и частые встречи пришлось на 1906–1907 годы.²⁰ Дать признательности начинающего писателя Ремизова секретарю издательства «Оры» Гофману (в то время еще студенту историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета) за поддержку в разразившемся скандале, связанном с «еретической» интерпретацией евангельской истории в легенде «О страстях Господних», отразилась в печатном посвящении «Модесту Гофману» в составе авторского сборника «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб., 1907).²¹

¹⁶ Иоанн (Шаховской), архиеп. Биография юности. С. 293.

¹⁷ В частности, о подобном приеме, используемом в заметках, написанных для периодической печати, см.: Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 27.

¹⁸ Модест Гофман, приехавший в Париж с маленьким сыном, в своих письмах, адресованных Б. А. Модзалевскому, писал в феврале 1924 г.: «Кланяется Вам Ростик, который становится большим, умным и хорошим мальчиком (я с ним занимаюсь, и он уже очень многое знает)» (Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926). С. 64).

¹⁹ Ср. инскрипт Ремизова, адресованный А. А. Блоку в 1920 году: Библиотека А. А. Блока: Описание. Л., 1985 / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Л., 1985. Кн. 2. С. 211; воспроизведение автографа: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiay/pages/Addition/addition11.html>

²⁰ Фиксация встреч Ремизова с М. А. Гофманом устанавливается по: Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000 (по указ.).

²¹ См.: Гофман М. А. Петербургские воспоминания // Новый журнал (Нью-Йорк). 1955. № 43. С. 120–133. Посвящение Гофману в первом издании «Лимонаря», очевидно, ввиду эсхатологичности названной легенды, было послано другому художественному переложению народного источника, получившему название «О месяце и звездах и откуда они такие: Христова повесть».

Новый виток сближений произошел в эмиграции, когда в ноябре 1923 года Ремизов с женой перебрались из Берлина в Париж.²² С этого времени их встречи, полноправным участником которых становится и сын историка литературы, образуют привычный обиход парижского бытия.

Письма Гофмана в Петроград зафиксировали посещение 4 апреля 1924 года первого ремизовского выступления в Париже на ставших впоследствии традиционными вечерах авторского чтения: «Я веду в Париже, — делился Гофман с Модзалевским, — такой замкнутый образ жизни (иногда даже забываешь, что в Париже), что, когда в прошлую пятницу вышел в люди (был на вечере Ремизова), мое появление вызвало всеобщее удивление...»²³

Связывали писателя с М. А. Гофманом и деловые отношения: в частности, по просьбе Ремизова была опубликована рецензия на роман «Взвихренная Русь», в которой литературовед, кстати, занял характерную для него позицию объективного рецензента, подвергнув новую романную форму писателя существенным критическим замечаниям.²⁴

---

²² Свидетельство берлинских встреч заключается в шуточной заметке, составленной Ремизовым для вымышленной хроники культурных событий эмиграции: «Известному пушкинианцу, профессору и академику Модесту Гофману посчастливилось найти редчайшую рукопись середины XVIII века, проливающую свет на происхождение “Русалки”, и пачку писем того же времени, несомненно принадлежащих перу поэта. В Берлин выехал в спешном порядке проф<ессор> Юрий Верховский для экспертизы» (*Саркофагский [Ремизов А. М.] Из жизни художников в Берлине // Голос России. 1922. № 1079. 8 окт. С. 8.*)

²³ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922—1926). С. 924. Согласно программе, анонсированной в «Последних новостях», собравшиеся в зале отеля «Лютеция» в исполнении писателя услышали его собственные сочинения — «китайский рассказ, сказки, монолог из “Трагедии об Иуде, принце искиариотском”» (см.: [Б. п.] Вечер А. М. Ремизова // *Последние новости. 1924. № 1212. 4 апр. С. 3.*)

²⁴ *Гофман М. А. [Рец. на кн.:] Ремизов Алексей. Взвихренная Русь. Изд. Таир. Париж, 1927 // Последние новости. 1927. № 2325. 4 авг. С. 3.* Ср. также сохраненные в памяти впечатления В. В. Перемилловского, который 7 августа 1927 года писал Ремизову в связи с публикацией критического отзыва Гофмана на роман «Взвихренная Русь»: «...на днях в “П<оследних> новостях” прочел рецензию Мод<еста> Гофмана на Вашу книгу <...> так и вспомнился “когда-тошний” скромный юноша, зазывавший к себе писателей, выпрашивавший у них посвящение себе, на дыпочках, в сюртуке, перед профессором ходивший... Сейчас-то на дыпочках, поди, больше ни перед кем не ходит. Но, вообще, стал лучше (судя по работам по Пушкину)» (*Amherst College. Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1, Box. 4. Folder 12.* Далее ссылки на материалы архива приводятся сокращенно: Amherst, с указанием шифра).

Как уже отмечалось, Ростик был сразу привлечен у Ремизовых и вырослел буквально у них на глазах. Сохранилось несколько недатированных эпистолярных документов, написанных старательным юношеским почерком на листах персональной почтовой бумаги с оттиском «M. Hofmann / 4, Rue Bernard / Paris VII»:

<1936>

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, папа и я поздравляем Вас и Серафиму Павловну с Праздником.

У папы к Вам большая просьба — не могли бы Вы сообщить ему имя, отчество и адрес Mme Kwill²⁵?

У меня тоже просьба — не могли бы Вы одолжить мне Бесовское Действо.²⁶ Мне очень хотелось бы его прочесть.

Папа и я наперед Вам очень благодарны. Если можно, напишите папе адрес Mme Kwill, за книгой же может быть решите мне зайти (когда?).

Уважающий Вас,

Ростик.²⁷

<1937>

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Мне очень нужно с Вами поговорить по одному очень важному и очень спешному делу по поручению Серг<ея> Мих<айловича> Лифаря и папы.²⁸

Если позволите, зайду к Вам в среду между 6-тью и 7-мью вечера.

Искренне преданный Вам и уважающий Вас

Р. Гофман.²⁹

²⁵ Неустановленное лицо.

²⁶ Речь идет о пьесе, первая публикация которой состоялась после постановки в театре В. Ф Комиссаржевской (Санкт-Петербург) 4 декабря 1907 года: Бесовское действо над неким мужем, а также Прение Живота со Смертью: Представление для публкии в 3х д. с прологом и эпилогом Алексея Ремизова. СПб.: Театр и искусство, 1908. В эмиграции писатель располагал переизданием пьесы: Бесовское действо: Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пг.: Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. 48 с. (Русский театр. № 11).

²⁷ Amherst. Series 1. Box. 7. Folder 7.

²⁸ По всей вероятности, подразумевалось участие Р. Гофмана в пушкинских торжествах. Ср.: «Мои ближайшие помощники, полными юношеского порыва и энтузиазма, были: мой брат Леонид и сын проф. М. А. Гофмана, Ростислав» (Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана, Париж, 1966. С. 54).

²⁹ Amherst. Series 1. Box 7. Folder 7.

Глубокоуважаемый

Алексей Михайлович,

мне очень нужно с Вами поговорить по
одному очень важному и очень серьезному делу
по поручению Серг. Мих. Мещеряе и мамки.

Если позволите, зайду к Вам в
среду между 6-ю и 7-ю вечера.

Искренне преданный Вам
и уважающий Вас

Р. Ремизов

В ремизовской мемуарной прозе 1930–1940-х годов отец и сын упоминаются как представители близкого дружеского круга. Впервые писатель представил младшего Гофмана в рассказе «Забывтый юбилей», напечатанном в рождественском выпуске газеты «Последние новости» 1930 года, из которого, например, выяснилось, что о филателистической страсти маленького Ростика Ремизов знал уже не хуже его отца и Д. А. Шаховского. Образ ребенка представлен здесь речевой экспозицией, созданной в лучших традициях ремизовского детского рассказа:³⁰

³⁰ См., в частности: Брусянин В. В. Страшные сказки жизни: (Собрание сочинений Ал. Ремизова) // Брусянин В. В. Дети и писатели: Литературно-общественные параллели: (Дети в произведениях А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова). М., 1915. С. 146–203.

— Знаете, что я хочу вам предложить, — вдруг поднялся, говорили, это и есть Иван Козлок, но я очень хорошо видел, что это Ростик Гофман, которому африканский доктор³¹ подарил какие-то необыкновенные «людоедские» марки, и видно было, Ростик большое сделал усилие и победил свою застенчивость, — хотите я вам подарю котенка: мать русская, т. е. здешняя, а отец сибирский. Или лучше за франк, тут так не принято.³²

Подчеркивая крепкую связь Гофмана-старшего и Гофмана-младшего, Ремизов не случайно отмечает участие Ростика во всех делах Модеста Людвиговича и даже их взаимозаменяемость.³³ Вместе Гофманы были «втянуты» в сюжетные хитросплетения романа «Учитель музыки», ставшего бурлескным отражением парижской литературной жизни русской диаспоры. В 1931 году на страницах только начавшего выходить обновленного «Сатирикона» появилась одна из глав под названием «Юнёр».³⁴ Тема «русской гофманианы» витает уже над всем повествованием. Размышления героя-рассказчика Полетаева были таковы: «Может быть, — думал я, — этот Гофман родственник тому Гофману,

---

³¹ Речь идет о Владимире Николаевиче Унковском (1888–1964) — медике по образованию, журналисте, получившем благодаря Ремизову прозвище «африканский доктор», под которым он стал постоянным «проходным» персонажем прозы писателя. Прозвище отражало обстоятельства биографии Унковского. В 1920 году он эмигрировал сначала в Грецию, затем через Константинополь перебрался в Сербию, где до 1924 года служил врачом сербского полка; после отставки весной 1925 года приехал в Париж. Не найдя работы, завербовался на службу во французскую колонию Западной Африки. После короткой стажировки по тропической медицине в Дакаре в сентябре был назначен полномочным санитарной частью Дагомен (после 1975 г. Бенин), расположенной в столице Порто-Ново (биографические сведения изложены в письме Унковского Ремизову от 19 сентября 1925 г. — Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a). См. о нем также: *Грачева А. М.* О писателе Федоре Сологубе, белетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // *Русская литература.* 2013. № 4. С. 76.

³² Цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 9: Учитель музыки. С. 105–106.

³³ В частности, рассказ М. А. Гофмана о его девятилетнем сыне, буквально спасшего его в самые трудные моменты их эмигрантской одиссеи, см.: Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926). С. 296–297.

³⁴ Сатирикон. 1931. № 20. 15 авг. С. 10–13; № 21. 20–22 авг. С. 7–10. Реакция современников на ремизовский автобиографизм, предполагающий упоминания имен реальных лиц из его окружения, была неоднозначной. По всей вероятности, старший Гофман не входил в число поклонников подобных экспериментов.

Милому Акимому на добрую
память и в знак дружбы.
12. VII. 44. Ю. Фриш

Р. М. Гофман. Фото 1944 г. Париж.
Архив В. Р. Гофмана. Публикуется впервые.

а если и не родственник, его знатное волшебное имя делает его любопытным: имена даются неспроста».³⁵

³⁵ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 197.

В «Юнёре» писатель проводит прямые сопоставления младшего и старшего. Возникает даже путаница: с которым из Гофманов беседовал Полетаев — с тем ли, кто еще в Петербурге 1900-х годов писал «Историю русской литературы», а может быть, с ребенком, который «заботится о своем отце» и едва ли не выполняет обязанности его личного секретаря?³⁶ Развитие темы Гофманов как спутников жизни находим и в романе «Мышкина дудочка» (1953), в сцене, описывающей одну из встреч 1940-х годов в ремизовской квартире на rue Voileau с повзрослевшим Ростиславом. С некоторой долей хронологических преувеличений писатель создает идиллию неразрывной, почти семейственной связи:

Я вышел с Ростиком на кухню. Мне хотелось расспросить о его отце и чем занят? Модеста Людвиговича Гофмана я знал в возрасте Ростика, еще до моей первой книги «Посолонь»,³⁷ а уж и тогда написал он «Историю русской литературы» — здесь, в Париже, издана по-французски в «переработанном виде».³⁸ А Ростик с тех пор, как ходить научился, не пропускал ни одного моего весеннего вечера — двадцать чтений по крайней мере, и на всех вечерах я ему делал особенный «обезьяний» бантик — знак первого и самого главного распорядителя.³⁹

Однако отмеченный нами субъективный взгляд Ремизова на историю отношений с Гофманами не был беспочвенен. В 1935 году литераторы Парижа организовали в поддержку

³⁶ См.: Там же. С. 197–198.

³⁷ Ремизов А. Посолонь. М.: Золотое Руно, 1907. Ср. поздний комментарий Ремизова к петербургскому окружению Вяч. Иванова: «Модест Людвигович Гофман, ему было лет 15, ходил он в голубой распашонке и представлял “отрока” при Вяч. Иванове, я не слыхал, чтобы он сказал хоть слово, всегда молча на цыпочках, а между тем однажды мы были у него, и он показывал такой вот огромный ворох бумаги — свое сочинение: “история русской литературы”» (Ремизов А. М. Дневниковые записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга II. Санкт-Петербург, Берлин, Париж, 1908–1937; 1945, апрель. Автограф // Государственный музей истории русской литературы им. В. И. Даля, ф. 156, оп. 2, ед. хр. 288, л. 14).

³⁸ Несколько искаженные сведения об участниках издания см. в: Hofmann M. Histoire de la littérature russe: Depuis les origines jusqu'à nos jours / En collab. avec G. Lozinski et C. Motchoulski; Avec cinquante et un portraits hors-texte. Paris: Payot, 1934.

³⁹ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 85.

бедствующему писателю очередной вечер чтения в квартире редактора журнала «Звено».⁴⁰ Готовясь к выступлению, Ремизов в черновых записях к вступительному слову, обращенному к хорошо ему знакомой аудитории, вновь упоминал своего юного друга и помощника:

Вечер устраивается по несчастью. Это само собой разумеется, но я вынужден с первого же слова напомнить об этом. Вслух читать я очень люблю и читал бы без конца...⁴¹ Вечер чтения без никаких — и какую надо иметь высокую культуру или какой книжный навык, чтобы целый вечер слушать одного чтеца.

Африканский доктор прямо мне заявил, что без музыки не согласен. Имея семнадцатилетний дагомейский опыт,⁴² он вызвался «самолучно выступить соло на трубе: «действует ошеломляюще». Труба, да еще и дагомейская, нет, это мне не под силу; я люблю виолончель, но и этого мне не дано, в детстве я пел альтом, передать голосом кларнет или альпийский рожок — постараюсь. Вот вам и будет музыка!

Ростик, чуть ли не со дня рождения своего бывавший на моих вечерах, самый верный из слушателей, слышавший в моем

---

⁴⁰ Ср. опубликованное объявление о том, что 23 ноября 1935 года «в частном доме» состоялся закрытый вечер чтения Ремизова, на котором писатель прочел новый рассказ «Судьба Ивана Федоровича Шпоньки» (Возрождение (Париж). 1935. № 3830. 28 ноября.). В организации вечера принимал участие Л. И. Шестов. Именно философ заблаговременно сообщил писателю, что жена редактора журнала «Звено» М. М. Винавера — Роза Георгиевна Винавер объявила о согласии предоставить для чтений собственную квартиру (см.: А. М. Ремизов и Л. И. Шестов: Из переписки писателя и философа: (1933—1938) / Publ., comment. et notes de K. Ruzhinskaite // Revue des Etudes Slaves. 2013. T. 84, fasc. 1/2. С. 293).

⁴¹ Ср. анонсы собственных выступлений, в которых писатель противопоставляет свой подход к словесному материалу приемам артистов: «В традиции писателей чтение — под актера. Известны, как чтецы: Гоголь, Писемский, Горбунов, Всеволод Крестовский. Но это актерское чтение, выразительное и красочное, вносит свой ритм “игры”, с обязательными и неизбежными паузами, и от словесного ритма ничего не остается. Ремизов читает (Последние новости. 1931. 31 марта. № 5486. С. 3); «В “игре” и “чтении” — различные ритмы, по природе своей никогда не смешивающиеся и друг друга исключают. Сколько прекрасных стихов загубили актеры своим чтением-игрой и сколько чудесных прозаических страниц зафальшивлены актерствующими чтецами. “Чтение должно быть вовсе не крикливое, не в жару и горячке; напротив, оно может быть даже очень спокойное, но в голосе чтеца послышится неведомая сила, свидетель истинно растроганного внутреннего состояния”. Эти слова Гоголя, превосходного чтеца, — свидетель Тургенев, — завет чтецу» (Amherst, Series 1. Box. 12. Folder 1).

⁴² См. о нем примеч. 31.

исполнении Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Лескова, Писемского и Слепцова, сказал мне, что, когда он был маленький, теперь ему двадцать, можно было, [слушать чтение хоть четыре часа, но — зчркн.] но теперь — как же без танцев? С детства имея страсть к полетам [2 сл. зчркн.], он предложил, хотя бы в антракте, выступить в виде Икара. — Я ведь [?] постараюсь!» — [сказал Ростик — зчркн.]. Я научился с годами ценить и тень доброго чувства, в доброе чув<ство> Ростика я верю. Но как передать гениальн<ого> «Икара» Лифаря?⁴³ [ни Ростик<у> ни мне — зчркн.]. Придется читать без танцев.

Я прочитаю мою память о первых именах...⁴⁴

Составленные Ремизовым аннотации к собственным чтениям, нередко использовавшиеся для объявлений в печати, отражают его метод типологического сближения литературных форм и образов в произведениях русской классической прозы. Принцип формирования программы состоял в сопоставлении художественных текстов по какому-либо общему признаку. В этом творческом направлении писатель искал союзников либо оппонентов, аргументы которых позволяли бы ему развивать свои исследования, впоследствии нашедшие продолжение в книге «Огонь вещей» (1954). Нечто вроде приглашения к историко-литературной дискуссии, на наш взгляд, прочитывается в подтексте одного ценного письма Ремизова, сохранившегося в семейном архиве Гофманов:

25 IV 1939

Дорогой Ростик.

Зайдите к нам (все вечера дома, кроме этой субботы).

Кланяюсь Вашему папе. *Понравился ли ему*

Аристарх Фалалеевич Мурлыкин?⁴⁵

---

⁴³ Речь идет об одноактном спектакле «Икар» (хореография, сценография и исполнение заглавной партии — С. Лифарь; декорации и костюмы — П. Ларт); премьера спектакля состоялась 9 июля 1935 года на сцене Grand Opéra. Ср. также в воспоминаниях Ремизова: «Мне навсегда останется гениальное воплощение Лифаря “Икара” — в веках из веков сложенного мифа о человеческом полете — об этом подлинно “безумстве храбрых”. Я видел живого летящего Икара! — слышу древний голос о грани человеческой силы — “смирись, гордый человек!” — и чувствую всю обжигающую скорбь сброшенного с недостижимых “зодиакальных” высот гордого человека, свернувшегося без крыл жалким зайчонком» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 290).

⁴⁴ Amherst, Series 1. Box. 12. Folder 1. Автограф, озаглавленный: «Сегодня вечер чтения А. Ремизова», завершается скорописью.

⁴⁵ См. примеч. 51.

Жаль, что не слышал Сергей Михайлович!⁴⁶ Расскажите ему эту повесть, Пушкин ее прочитал дважды.

Алексей Ремизов

<подписи над рисунком> Я / Ростик / Овчина-Оболенский⁴⁷ / СП. Р⁴⁸
роскошный автомобиль⁴⁹ / два места на четырех⁵⁰

Послание, адресованное, по сути, обоим Гофманам, написано по следам прошедшего 22 апреля 1939 года авторского вечера чтений. В преддверии своего выступления писатель разместил анонс программы, в полной мере раскрывающий контекст процитированного выше письма, содержание которого осталось бы непроявленным в отрыве от печатного объявления:

22 апреля в Лас-Казе А. Ремизов вторую половину вечера начнет «Лафертовской маковницей» А. Погорельского (А. А. Перовского). Пушкин в письме от 27 марта 1825 г. к Л. С. Пушкину: «Душа моя, что за прелесть — Бабушкин кот! Я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Ар<истархом> Фал<аленчем> Мурлыкиным. Выступаю плавно,

⁴⁶ В последующие годы Р. М. Гофман выполнял обязанности личного секретаря С. М. Анфара.

⁴⁷ Оболенский Андрей Владимирович, князь (1900–1975) — сын известного общественного и политического деятеля князя В. А. Оболенского (1869–1951); участник Добровольческой армии; после поражений армии в Крыму эмигрировал; в 1922–1924 годах жил и учился в Праге; осенью 1924 года переехал в Париж; познакомился с Ремизовым через сестер Ольгу и Наталью Черновых; один из ближайших друзей Ремизова в Париже, помощник в решении бытовых проблем; прототип нескольких персонажей романа «Учитель музыки» (Козлок, Багдахал); в романе «Мышкина дудочка» (Париж, 1953) скрыт под именем «Овчина»; «кавалер обезьяньего знака первой степени» (*Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная палата в лицах и документах.* СПб., 2001. С. 353). Источником прозвища «Овчина», по-видимому, послужили материалы родословной Оболенских, среди предков которых был воевода Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский, казненный по приказу Ивана Грозного в 1547 году; упоминается в книге И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (М., 1869). См. также: Девять писем А. М. Ремизова [А. В. Оболенскому, А. М. Оболенской] / Публ. и коммент. Л. А. Мнухина // Мнухин Л. А. Итоги и истоки: Избранные статьи. Болшево, 2008. С. 266–271.

⁴⁸ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (урожд. Довгелло; 1876–1943) — жена Ремизова; специалист по древнерусской палеографии.

⁴⁹ Возможно, речь идет об автомобиле Г. В. Чижова (псевд. Г. Холмский), который, работая таксистом, доставлял Ремизова и его жену на выступления. На рисунке изображено четверо. По-видимому, вся компания не поместилась в обещанный Холмским «роскошный» автомобиль.

⁵⁰ Архив В. Р. Гофмана. Париж.

зажмурив глаза, повертывая голову и выгибая спину. — Погорельский ведь Перовский, не правда ли?»⁵¹ Билеты продаются в «Последних Новостях», в Тургеневской библиотеке (13, rue de la Bюшери), в тэнтюрери⁵² «Сириус» (35-тер, rue Лафонтен) и у Рами (56, rue Пуссэн).⁵³

Не случайно основным героем собранных нами архивных и историко-литературных материалов оказался Ростислав Гофман — ребенок, воспитанный «под сенью» русской литературы, глубокое понимание которой передалось ему от отца-филолога и во многом в общении с Ремизовым. Возвращаясь к «прологу» нашего рассказа, позволим себе утверждать, что атрибутированная нами неизвестная рецензия Модеста Гофмана 1926 года может считаться фиктивным литературным дебютом его сына. Случайным образом этот малозаметный эпизод из литературной жизни русской литературной эмиграции высветил проекцию последующего пути Гофмана-младшего. По каталогу Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque nationale de France) выявляется внушительная библиография книг на французском языке, благодаря которой Ростислав Модестович во Франции обрел имя известного переводчика русской прозы, исследователя русской музыки и балета. В период с 1945 по 1949 год он много и плодотворно сотрудничал со своим отцом. Приведем в кратком библиографическом списке результат этого совместного труда, посвященного сохранению и утверждению русской культуры на европейском пространстве:⁵⁴

1. Исследования:

Hofmann, M. et Hofmann R. Première Méthode de russe. Paris, C. Klincksieck (Impr. nationale), 1945.

Hofmann, Modeste et Rostislav. Gogol, sa vie et son œuvre. Paris, Corrêa (impr. de Béresniak), 1946.

⁵¹ Ср.: «Душа моя, что за прелесть Бабушкин Кот! Я перечел два раза и одним духом всю повесть и теперь только и брежу Тр<ифоном> Фал<алеичем> Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмурив глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский, не правда ли?» (вероятный источник цитирования: *Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. А. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1926. Т. 1. С. 125–126* (письмо к А. С. Пушкину от 27 марта 1825 г.)). Ремизов поправил ошибку Пушкина в имени героя Погорельского.

⁵² От teinturier (франц.) — химчистка.

⁵³ Последние новости. 1939. № 6590. 13 апр. С. 3.

⁵⁴ Частично перечисленные нами издания приводятся в комментариях Т. И. Краснобородко к публикации второй части писем М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому (см. примеч. 2).

Hofmann, Modeste et Rostislav. Pouchkine et la Russie. Paris, Éditions du Chêne, 1947.

Hofmann, Modeste, Hofmann, Michel-Rostislav. Le drame de Pouchkine. Paris, Corrêa, 1948.

2. Сборники и отдельные издания русской классики:

La Vie en Russie / Choix de textes accentués des grands écrivains russes du XIXe et du XXe siècle par M. Hofmann et R. Hofmann. Paris, C. Klincksieck (Impr. nationale), 1945.

Gogol', Nikolaj. Les âmes mortes / Traduite du russe par Rostislav Hofmann; [avant-propos de Modeste Hofmann]. Paris, Corrêa, 1946

Gogol', Nikolaj. Le Journal d'un fou: Nouvelles / Traduction de Rostislav Hofmann. Introduction de M. Hofmann.

Pouchkine, Alexandr. Romans et nouvelles. Les Récits de Belkine. Le Nègre de Pierre le Grand / Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann. Paris, Éditions du Chêne (Impr. de Macleval), 1947.

Pouchkine, Alexandr. Doubrovsky. La Dame de pique. Les Nuits égyptiennes / Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann. Paris, Éditions du Chêne (Impr. des Arts et manufactures), 1947.

Tourgueniev, Ivan. Eaux printanières / Traduction de Rostislav Hofmann; [avant-propos de Modeste Hofmann]. Paris, Corrêa, 1947.

Dostoevskij, Fedor. Les Frères Karamazov. Tome 1-2 / Traduction nouvelle de Rostislav Hofmann; préface d'Edmond Jaloux; édition, annotée par Modeste Hofmann. [Paris], Bordas, 1948.

Dostoevskij, Fedor. Crime et châtiment / Traduction de R. Hofmann et S. Quévremont; préface de André Billy; édition, annotée par Modeste Hofmann. [Paris], Bordas, 1948.

Tourgueniev, Ivan. Roudine; Assia; Pounine et Babourine / Traduction nouvelle de R. Hofmann; préface de Modeste Hofmann; édition illustrée et annotée. [Paris], Bordas, 1949.

В многотомном эпистолярии ремизовского архива⁵⁵ нам удалось найти подтверждение того, что творческие планы Гофмана-младшего распространялись не только на русскую классику, но и, в частности, на произведения известного писателя-эмигранта, дружеские отношения с которым в послевоенные годы не только не угасти, но даже приобрели новое наполнение. В 1946 году

⁵⁵ Корреспонденция эмигрантского периода в американском архиве писателя представляет собой собрание самодельных конвертов с письмами современников.

в печати появилась первая глава будущей книги «Иверень» под названием «В сырых туманах».⁵⁶ В одном из писем этого времени повзрослевший воспитанник Ремизова сообщил:

<1946, 18 марта>⁵⁷

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович, большое, большое Вам спасибо за присылку книг (вторая, к сожалению, никогда не была у нас в оригинале).

С радостью приступаю к переводу *Сырых туманов* — очень трудно, но и очень интересно — и, конечно, прежде чем начинать, приду просить Ваших советов и ритмических указаний.⁵⁸

Вообще же мечтаю перевести *Лимонарь*.

Хотелось бы порыться во французском средневековии — невозможно себе представить, чтобы у них не было бы той же самой чертовщины, что у нас, а в таком случае можно найти массу прекрасных соответствий.

Все пятеро кланяемся Вам.

Преданный Вам и любящий Вас,

Р. Гофман⁵⁹

Это послание было написано уже не на отцовской почтовой бумаге, как письма Ростика-подростка, а на именной, с логотипом «R. Hofmann / 106, Rue Lecourbe / Paris XVe». Его писал возмужавший глава семейства, численность которого (вместе с Гофманом-старшим) увеличилась до пяти человек: в 1945 году у Ростислава и его жены Татьяны Викторовны (урожд. Голуновой) родились мальчики-близнецы — Андрей и Владимир.

⁵⁶ Ремизов А. На заповедной земле: Глава из неизданной повести «В сырых туманах» // Советский патриот. 1946. № 100. 20 сент. С. 3.

⁵⁷ Письмо датировано по почтовому штемпелю на конверте (Amherst. Series 1. Box 9. Folder 3).

⁵⁸ Возможно, речь идет о рукописи главы «В сырых туманах», присланной для перевода на французский язык ранее, чем текст появился в печати на русском языке. Такая практика была объяснима в связи с упадком русской печати в Париже в послевоенное время. На русском языке рассказ из главы «В сырых туманах» был впервые опубликован полгода спустя: Ремизов А. На заповедной земле: Глава из неизданной повести «В сырых туманах» // Советский патриот. 1946. № 100. 20 сент. С. 3. Только через семь лет в печати появилась расширенная редакция главы: Ремизов А. В сырых туманах. [1. На заповедной земле; 2. Несбыточные происшествия] // Новый журнал = The New Review (Нью-Йорк). 1953. № 34. С. 88—115. История неосуществленного перевода проясняется в декабрьском письме Ростислава Гофмана к Ремизову и представляет собой самостоятельный историко-литературный сюжет, связанный с послевоенной творческой деятельностью Ремизова.

⁵⁹ Amherst. Series 1. Box 9. Folder 3.

*М. Л. Гофман с внуками Владимиром и Андреем.
Фото 1947 г. Париж. Архив В. Р. Гофмана. Публикуется впервые*

Как следует из письма, вечера ремизовских чтений не прошли для Гофмана-младшего бесследно — от писателя передалось ему знание о ритмической основе художественного произведения. Как историку-музыковеду, ему была понятна аналогия чтения

литературных текстов и музыкальной партитуры. По всей вероятности, памятным для него осталось выступление писателя, состоявшееся десять лет назад, на котором он, как обычно, выполнял свои обязанности распорядителя вечера, отличаясь от рядовых слушателей особым «драконическим» знаком.⁶⁰ По традиции, накануне писатель разместил в «Последних новостях» анонс с изложением основной идеи подготовленной литературной программы. В частности, в этом «предуведомлении» объяснялось: «Отдельное слово имеет свой напев, слова — свой лад, ряд слов — ритм. Всякое произведение выговаривается по-своему и только выговаривание, а никакая игра (представление) сохраняет ритм произведения».⁶¹

В своем письме молодой Гофман отметил в числе присланных Ремизовым книг французское издание повести «Крестовые сестры», выпущенное с предисловием Р. Роллана.⁶² Во-видимому, именно эта «вершина» дореволюционного творчества писателя осталась пробелом в круге чтения Ростислава Модестовича. Подарок с памятным инскриптом сохранился в парижском архиве наследников:

À Monsieur R. Hofmann
Alexei Remizoff

Тут темь-тьмуца и отчаяние,
не хотелось бы вновь
проходить этот путь жизни.

Но никогда не было такого острого
чувства: ведь глядел наперед,
а не как сейчас

<глаголическая литера «червь»>

12 III 1946⁶³

* * *

Еще только приступая к исследованию контактов Ремизова с Гофманами, мы опирались лишь на два известных источника,⁶⁴ полагая, что упоминавшиеся в переписке намерения Гофмана-младшего подготовить французские переводы произведений писателя остались

⁶⁰ Упоминание о «драконическом» распорядительном знаке см. в анонсе, составленном Ремизовым: [Б. п.] Чтение А. М. Ремизова // Последние новости. 1936. № 5486. 31 марта. С. 3.

⁶¹ Там же.

⁶² *Rémizov A. La maison Bourkov: Roman / Trad. R. et Z. Vivier; Lettre-préface de R. Rolland: «Alexei Rémizov» de R. Vivier. Paris: Ed. du Pavois, 1946.*

⁶³ Архив В. Р. Гофмана, Париж. См. также историю создания повести в комментариях И. Ф. Даниловой: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачущая канава. С. 481–485.*

⁶⁴ Каталог BNF и Библиография Е. Синани-Маклеод (см. примеч. 65).

неосуществленными. Его сын, Владимир Ростиславович, помогая нам уточнить список переводческого наследия Ростислава Модестовича, несколько раз упомянул о романе «Идиот», вышедшем в свет на французском языке в 1947 году. Действительно, в парижском «Сhêne» был издан роман Достоевского с предисловием Ремизова. Однако, по нашим представлениям, Гофман-младший к этой книге не имел ни малейшего отношения.

На обложке издания читаем: *Dostoïevski* <sic!>. *L'Idiot: roman / Trad. et préface de Alexis Remizoff et Vladimir André.* Paris, éd. Du Chêne, 1947. Vol. 2.⁶⁵ В качестве предисловия здесь послужило эссе «Скверный анекдот: Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти», в русском переводе опубликованное в 1950 году под заголовком «Звезда-полюнь: К "Идиоту" Достоевского».⁶⁶ Для полного представления о книге нам не хватало информации о неизвестном авторе перевода. После небольшой паузы, взятой Владимиром Ростиславовичем, как мы теперь понимаем, для эффектного раскрытия интриги, он не без удовольствия рассказал маленькую семейную тайну о том, что загадочный Владимир Андрэ на самом деле был выдумкой Ростислава Гофмана, который в издании 1947 года подписал свой перевод как романа Достоевского, так и ремизовского предисловия к нему единственным в своем роде псевдонимом, составленным из имен его сыновей-близнецов Владимира и Андрея; в то время мальчикам было всего два года от роду.⁶⁷

Неожиданное библиографическое открытие, прибавившее к списку переводчиков Ремизова Р. М. Гофмана, навело нас также на мысль о том, что Гофман-младший, очевидно знавший историю подписи «Р. Г.» на страницах журнала «Благонамеренный», возвел курьезный прецедент «детского» псевдонима в литературную традицию.

Две забавные тайны семейства Гофманов, косвенным образом связанные с именем и творчеством Ремизова, возвращают нас к высказыванию писателя: «...этот Гофман родственник тому Гофману, а если и не родственник, его знатное волшебное имя делает его любопытным: имена даются неспроста».

---

⁶⁵ См. также: *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; Sous la dir. de T. Ossorguine.* Paris: Institut d'Études Slaves, 1978. P. 113.

⁶⁶ См.: Новоселье (Нью-Йорк). 1950. № 42/44. С. 9–29.

⁶⁷ Очевидно, мотивом сокрытия имени здесь послужили сугубо практические причины. Годом ранее роман «Идиот» уже был выпущен в свет под настоящим именем переводчика в другом издательстве: *Dostoïevsky Fédor. L'Idiot: Roman / Trad. du russe par R. Hofmann.* [Paris:] Bordas, 1946.